

В. В. Мароши

Новосибирск, Россия

СЮЖЕТНАЯ СИТУАЦИЯ «ДЕВОЧКА И СЛОН» В РУССКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Рассматривается сюжетная ситуация, которая связана с художественном пространствеми зверинца и квартиры. Это специфический вариант архетипической ситуации «кроткое животное и ребенок» и ситуации начала XX в. «коммуникация ребенка и животного в зверинце», которая в русской литературе первой трети XX в. может быть представлена и в других вариациях – дети и слон, мальчик и слон, девочка и тюлень. Ее основными актантами становятся девочка и слон, а содержанием – сюжетное событие коммуникации девочки и слона. Содержательность взаимодействия актантов поддерживается контрастом их изображения как соответственно очень маленького и огромного, женского и мужского. Описание слона тоже строится на контрасте маленького и большого, кроткого и сильного. Для системы персонажей характерен семейный круг (мама, папа, девочка) и «фамилиаризация» слона в духе семейных ценностей. Событие состоит в том, что девочка приходит с родителями в зверинец, или слона приводит к больной девочке на дом хозяйин зверинца. Вступая в контакт с девочкой, слон всегда, как и все животные в зверинце, антропоморфизуется, изображается повествователем или воспринимается девочкой как животное со свойствами человека. В девочке могут актуализироваться зооморфные черты. После события общения со слонем больная девочка выздоравливает или, напротив, в домашних условиях начинает вести себя неестественным образом, теряя свое природное обаяние. Слон как персонаж связан и в поэтическом тексте, и на уровне последовательности повествовательных мотивов с мотивом сна, что в статье объясняется рифмой «сон-слон» и особым соотношением слона со сферами воображаемого и бессознательного.

Ключевые слова: слон, девочка, семья, сюжетная ситуация, зверинец, антропоморфизация.

Оговоримся сразу: в поле нашего внимания попадут не вся символика и художественные смыслы, связанные со слонем и слонами, а только те, что прямо или косвенно связаны с отношениями слона и ребенка. Нас, например, не будет интересовать теоморфность слона (индуистский Ганеша) или куртуазные смыслы («Слоненок» Н. Гумилева). Поэтому начнем с символика власти и силы, которые отчасти задают «мужской» аспект сюжета и с которыми слон соотносится чаще всего в семиозисе зоосферы. Слон в ситуации общения с девочкой всегда будет

Мароши Валерий Владимирович – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630124, Россия; maroshi@mail.ru; +7 913 064 02 93)

именно слонем, самцом, но с совершенно особыми свойствами, присущими отчасти «женской» половине человеческого и животного мира.

В дохристианских культурах слоны были боевыми животными, использовавшимися на войне (слоны похода Ганнибала, индийских владык). Как огромное и сильное животное, живой символ мощи слон стал символом могущества государя, их содержали в царских зверинцах, дарили друг другу властители Востока и Запада. Отношения между слонем / слонами и царем как владельцем животных стали основой сюжетных ситуаций исторических анекдотов и легенд.

Тем не менее уже в ветхозаветных книгах Библии соседство дикого зверя и ребенка, покорность ему становится символом гармонии человека с природой. Так, в преображенном явлении Мессии будущем (в 11 главе ветхозаветной «Книги пророка Исайи») видим и «малое дитя», и «младенца», которые управляют дикими животными или играют с уже не опасными: «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть соломю. И младенец будет играть над норою аспиды, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исайя 11, 6–9) [1, с. 689]. Отчасти поэтому в средневековом христианском bestiarii слон, помимо сложных аллегорических смыслов, никак не связанных с его поведением, становится и символом необычной для своих размеров кротости, ассоциируемой с ребенком. Философ Андрей Христофорович определяет его свойства на контрасте размеров и кротости: «Слон во всех скотах и зверях земных больше есть естеством. Тих и смирен, яко и малый отрок правити его может» [2, с. 234]. На этом же сюжетобразующем, но уже риторическом контрасте будет основана и сюжетная ситуация русской басни, построенная на отношениях между очень маленьким и очень большим животными – «Мыши и слон» А. П. Сумарокова, «Слон и моська» И. А. Крылова. Поздним отзвуком ее станут мотивы из «Слоновьей прогулки» А. Куприна: «Он был бесконечно кроток и вежлив ко всему маленькому: к насекомым, к зверькам» [3, с. 329].

В пространствах зверинца и зоосада природная кротость слона проявляется наиболее органичным образом. В поэзии и прозе она проявляется в общении с маленькими детьми. Особенно типична она для советской литературы. Ситуация «ребенок в зверинце» в ней создается в жанре особого рода стихотворений-экскурсий или фрагментов «обучающих» дидактических книг для детей, посвященных зверинцам и зоопаркам («Что ни страница, – то слон, то львица...» В. Маяковского (1926), «Зверинец» (1929) Б. Пастернака, «Детки в клетке» С. Маршака, «Зоосад» (1936) Б. Корнилова, «Что я видел» (1939) Б. Житкова и т. д.). Общей для авторов стратегией этого советского bestiaria (перечень животных в них вполне сопоставим со средневековым bestiarium) становятся «фамилиаризация» и антропоморфизация животных, изображающая их «семейными» и очеловеченными существами.

В советской детской поэзии символика кротости и вполне детских качеств прирученного слона поддерживается сопутствующими ему персонажами-детьми и их родителями в сочетании с мотивом особой покорности этого большого животного. Наряду с хищными зверями слоны становятся примером благополучной семейной жизни, здесь на первый план выходит их участие в ролевой игре «благополучной семьи». Нет нужды говорить, насколько далека эта идиллия от реальной жизни биографического автора и насколько она может быть связана с его идеальными представлениями о советской «большой семье». Так, поэт, лирической мечтой которого о будущем была роль сторожа в зверинце («Я зверье еще люблю – // у вас // зверинцы // есть? // Пустите к зверю в сторожа. // Я люблю зверье» [4, с. 196], а отождествление себя со щенком («Щен») – постоянной ролью

в отношениях с Л. Брик, не устоял перед обаянием слонов из зоопарка Нью-Йорка: «Как живые в нашей книжке // слон, // слониха // и слонишки. // Двух- и трехэтажный рост, // с блюдо уха оба, // впереди на морде хвост // под названием «хобот». // Сколько им еды, питья, // сколько платья снашивать! // Даже ихнее дитя // ростом с папу с нашего. // Всех прошу посторониться, // разевай пошире рот, – // для таких мала страница, // дали целый разворот» [5, с. 505].

Особая симпатия взрослых членов семье к слону в зверинце – мотив даже современной литературы для детей: «А когда мы пришли, папа сказал: “К слону”, – потому что слон был у папы самый любимый во всем зоопарке. Папа всегда ходил к нему первому, как к царю. Поздоровается со слонем, а уж потом отправляется куда глаза глядят» [6]. То же иррациональное влечение к слону обнаруживает на протяжении всех эпизодов в зоосаде мама рассказчика в цикле «Что я видел» Б. Житкова: «Мама стала всех спрашивать:

– Где слоны? Где слоны?

А я сказал маме:

– Почему слоны?

Мама сказала:

– А вот потому. Иди скорей. <...> Мама сказала, что надо скорей к слонам, и мы пошли. Я хотел ещё на мишек посмотреть, а мама сказала:

– Ну, идём к слонам. Так мы никогда не дойдём... И сказала, что так мы никогда до слонов не дойдём. <...> Я даже бежал, потому что мама очень скоро шла.

И мы пришли, где слоны» [7].

Ребенок же пытается преодолеть свой страх перед огромным животным: «И я стал бояться. И сказал маме тихонько: – Я боюсь. Чего он сюда идёт?

А один дядя услышал, как я говорю, и сказал громко: – Он боится, что слон на нас идёт! Ха-ха-ха! <...> Никто ничего не говорил, только один дядя сказал, что тот слон – мама.

И что “вот у твоей мамы усов нет, так и у той слонихи клыков нет”. У слоних клыков не бывает» [7]. Страх ребенка перед слонем в этом эпизоде «снят» через изображение его необычного облика и привычной семейной роли, которые ему приписываются повествователем или персонажами. Таким образом, в своем общении в зверинце слон и ребенок никогда не оказываются наедине друг с другом, ребенку всегда сопутствуют родители – папа или мама.

С другой стороны, в предельно «взрослой» книге автосоциопсихолога М. Зощенко «Перед восходом солнца» истоки многочисленных фобий («тигры», «рука» и т. д.) рассказчика найдены, как известно, в его детстве, в том числе и походах вместе с взрослыми в зоосад: «Мать держит меня на руках. Мы смотрим зверей, которые в клетках.

Вот огромный слон. Он хоботом берет французскую булку. Проглатывает ее.

Я боюсь слонов. Мы отходим от клетки.

Вот огромный тигр. Зубами и когтями он разрывает мясо. Он кушает.

Я боюсь тигров. Плачу.

Мы уходим из сада.

Мы снова дома. Мама говорит отцу:

– Он боится зверей» [8, с. 561].

Сила и ярость слона как огромного и дикого животного, против его воли заключенного в клетку или привязанного, тоже могли стать поводом для сюжетообразования. Так, мотивы бунта слона и / или его побега из зверинца, которым аккомпанирует чрезмерное буйство всей природы, тоже стали особым сюжетом русской литературы (см.: «Слоновья прогулка» А. Куприна, «Слоненок» Н. Гумилева, «Время, вперед!» В. Катаева). Бунт зверей в «Крокодиле» (1916) К. Чуковского актуализирует страх девочки перед слонем:

Милая девочка Лялочка!
С куклой гуляла она
И на Таврической улице
Вдруг увидала Слона.

Боже, какое страшилище!
Ляля бежит и кричит» [9, с. 158].

Тем не менее особое смирение взбунтовавшегося слона перед детьми, весьма древний мотив индийского фольклора, добравшийся и до отечественной дидактической литературы, еще раньше появляется в ней. Этот образ использовал в «Первой русской книге для чтения» (1878) Л. Толстой: «Тогда жена индейца заплакала, принесла своих детей к слону и бросила их слону под ноги. Она сказала: “Слон! ты убил отца, убей и их”. Слон посмотрел на детей, взял хоботом старшего, потихоньку поднял и посадил его себе на шею. И слон стал слушаться этого мальчика и работать для него» [10, с. 25–26]. Покорность слона ребенку в хронотопе зверинца может трансформироваться в неестественное для животного самоуничижение: «Где слоны, кривляясь, как кривляются во время землетрясения горы, просят у ребенка поесть, влагая древний смысл в правду: “Есть хоцца! Поесть бы!” – и приседают, точно просят милостыню» [11, с. 185].

В унижительных для него условиях стационарного или передвижного зверинца, публичного зрелища («по улицам слона водили») слон может стать и объектом издевательств со стороны детей «Там слон – забава для детей, // Игрушка глупых малышей» [9, с. 155]; «За репицу слона // Хватаются мальчишки // Срывая прелый волос» [12, с. 473]. Тем не менее по отношению к персонажам-детям этот мотив не получает развития. Поэтому чаще всего отношение слона к взрослым и детям в зверинце остается контрастным: «Надо сказать, что людей, особенно после смерти Нелли, Зембо не любил. Нередко в булках, которые ему давали, попадались булавки, гвозди, шпильки и осколки стекла; праздные шалопаи пугали его внезапно раскрытыми зонтиками, дули ему нюхательным табаком в глаза. Очень часто жалкий чиновник, вода в праздник свою жену, детей, свояченицу и племянницу по зоологическому саду, отличался пред ними храбростью: щёлкал бедного Зембо ногтем по концу хобота или совал ему в ноздри зажжённую сигару, но благополучно и поспешно отступал, когда Зембо высовывал из загородки свой хобот, которым он мог бы убить не только человека, но и льва. Как часто без нужды и смысла бывает человек жесток к животным!

Зато были у него и настоящие друзья, особенно из детей. Их он принимал радостно, трубил им навстречу, разевал широко свой смешной треугольный мохнатый рот и дул им в лицо из ноздрей своим тёплым, сильным, приятным санным дыханием» [3, с. 331].

Типично авангардистским, новаторским вариантом сюжетной ситуации «люди и слон», «дети и слон» становится встреча слона и машины (экскаватора) в романе «Время, вперед!» (1932) В. Катаева. Наряду с явным риторическим эффектом встречи гигантского существа и огромной машины, живого и неживого, для понимания этой сцены важны и две значимых сюжетных идеологемы советского времени – лозунгов «техника решает все» и «преодоления природы / стихии»: «Слон остановился, как вкопанный, на переезде. Паровоз обдал его дымом, паром, свистом, жаром железной копоти.

Слон шарахнулся в сторону, сбежал в котлован и напоролся на экскаватор.

“Маршон б”, весь окутанный бурым дымом, стоял с опущенной стрелой и ковшом, вгрызшимся в почву.

Слон оцепенел, по колено в рыхлой глине. Он растопырил уши и поднял хобот. Экскаватор загремел цепью и поднял вверх стрелу. Слон затрубил.

Экскаватор свистнул.

Так они стояли друг против друга, с поднятыми хоботами, – два слона, один живой, другой механический, – и не хотели уступить друг другу дорогу. И у живого слона дрожали раздутые ветром уши и дико блестели налитые кровью маленькие, подвижные, как мыши, сумасшедшие глазки» [13, с. 240]. В сюжетной ситуации «мальчик и слон», в которой, как мы убедились выше, мальчик чаще всего мучает слона или боится его, могут актуализироваться и совершенно иные роли. Так, символика Зоосада как Сада / Эдема / была положена в основу лирико-автобиографической поэмы Вяч. Иванова «Младенчество». Ее лирический герой видит слона то ли во сне, то ли наяву:

Но первый сон, душе любезный,
В окне привидевшийся сон –
Был на холме зеленом слон.
С ним Персы, в парчевых халатах,
Гуляли важно... Сад зверей
Предстал обителью царей,
Пленных в сказочных палатах,
Откуда вспыхивал и мерк
Хвостом павлиньим фейерверк [14, с. 15].

Персонаж Вяч. Иванова созерцает изначальный архетип Рая – огороженный персидский царский зверинец, название которого (*pairidaêza*) было усвоено сначала античной, а затем и христианской культурой как имя потерянного человечеством Рая («ὁ παράδεισος – *paradeisos*»). Мальчик наяву грезит символическими архетипами всего человечества, пространственно-биографическая близость героя к Московскому зоосаду переосмысливается как способность чистого душой ребенка, растущего в религиозной семье, воспринимать зоосад в духе «анаменезиса» библейского Эдема («мой детский, первобытный Рай» [14, с. 14]).

Иванов переосмысливает нарративный дискурс сюжета: текстообразующее значение в нем получает рифма «сон – слон», которая в русской реалистической прозе начала XX в. уже была использована в последовательном сцеплении двух повествовательных мотивов (во сне персонажи видят слона). Так, в рассказе Куприна «Слон» девочка требует слона, увидев его сначала во сне, а затем наяву, проснувшись; после общения оба – девочка и слон – видят счастливые сны:

«Но однажды утром девочка **просыпается** немного бодрее, чем всегда. Она что-то видела во сне, но никак не может вспомнить, что именно, и смотрит долго и внимательно в глаза матери.

– Тебе что-нибудь нужно? – спрашивает мама.

Но девочка вдруг **вспоминает свой сон** и говорит шепотом, точно по секрету...» [15, с. 402]; «На другой день девочка **просыпается** чуть свет в прежнее всего спрашивает: – А что же **слон**? Он пришел?» [15, с. 405]; «В эту ночь Надя **видит во сне**, что она женилась на Томми, и у них много детей, маленьких, веселых слонят. **Слон**, которого ночью отвели в зверинец, тоже **видит во сне** милую, ласковую девочку. Кроме того, ему **снятся** большие торты, ореховые и фисташковые, величиною с ворота...» [15, с. 408]. Сон о слоне и сон слона явно связаны с мотивом исполнения желаний, сферой несбыточного, но притягательного.

В современной детской поэзии рифма «сон – слон» продолжает жить своей жизнью, как в стихотворении Ирины Токмаковой «Сонный слон»:

Динь-дон. Динь-дон.
В переулке ходит слон.
Старый, серый, сонный слон.
Динь-дон. Динь-дон.
Стало в комнате темно:
Заслоняет слон окно.
Или это снится сон?
Динь-дон. Динь-дон [16].

Одними из актантов сюжетной ситуации «ребенок и слон в зверинце» в начале XX в. были слон и девочка. Их необычные отношения становятся сюжетом детской литературы, воспитывающей маленького читателя / читательницу в духе любви к животным. Рассказ А. И. Куприна «Слон» был напечатан в детском журнале «Тропинка» за 1907 г. В это же году вышел и экспрессионистский рассказ «Проклятие зверя» Л. Андреева, где один из актантов сюжета сменился: особые, архетипические отношения «живых символов», двух «великих тайн» связывают в пространстве городского зоосада девочку, «детеныша» человека, в которой рассказчик провидит Мысль и Красоту с мистическим Зверем, легко опознаваемым как тюлень. Последний изображается, как и девочка, в символистском духе, получая дейктическое обозначение «он»: «Их там было много, маленьких городских детей с боннами и гувернантками, но я избегал смотреть на них: при том состоянии, в котором я находился, и в их детских, милых личиках, в их глазах я мог увидеть что-нибудь печальное. Но постепенно утомленное внимание мое стала привлекать девочка – маленькая девочка, с голыми ручками и ножками, в белой рубашечке, по краям обшитой широкими красными полосами. Я плохо разбираюсь в возрасте детей и не знаю, сколько ей было лет: три, четыре года, а может быть, пять.

Сперва я долго, с упорством бессознательности, вглядывался в ее светлые, короткие локоны, свободно раскинутые на круглой головке, и белую нежную шейку, на которой проходила тоненькая серебряная цепочка, вероятно, от крестика, – пока не зажглось во мне чувство какой-то тихой, безмерной радости, умиления, близкого к молитвенному восторгу. Радостно изумленный, я уже сознательно вгляделся в нее, в ее личико, в ее легкую, стройную, строго соразмерную фигурку. Боже, я еще никогда не видал такого совершенного, такого очаровательного человеческого детеныша! Так вот отчего мне весело!

Все в ней было совершенно. Глаза, движения, каждый шаг круглых, наивно незаконченных ножек в белых туфельках, – все было в ней совершенно. И это была не только совершеннейшая красота, это была мысль, огромная, загадочная мысль, великая и светлая тайна, которую читаю я в небесах, когда темной ночью сквозь стекло телескопа бросаю мой взор в глубину Млечного Пути, в мириады сверкающих миров. Но мысль, спустившаяся на землю! Но тайна, принявшая родной и знакомый образ человека! Что же такое – ты, человек, если можешь быть так прекрасен порою!

И какой самостоятельный детеныш: ходит одна между детей – гувернантки не видно, – напевает, думает о чем-то, – какие должны быть у нее мысли! – посматривает на небо, на меня взглянула. И это среди зверей с их зубами и мерцающим загадочным взглядом! Идет куда-то, все одна – иду за нею, идет дальше – иду за нею. Вот у одной из боковых дорожек железная невысокая решетка и за ней овальный, каменный бассейн, полный все тою же грязной, теплой водой. Вода колышется, ходит большими плоскими волнами, видимо, какое-то большое тело беспокойно бороздит ее там внизу. Вот куда мы шли!

Девочка обнимает тоненькими беленькими пальчиками железные прутья и прижимает к ним свое очаровательное личико. В том, как стоят ее ножки, во всей ее позе видно великолепное, царственно спокойное ожидание. Стоит и ждет, спокойно, великодушно, терпеливо – очаровательно надменный детеныш человека!

И вот, спуская воду с пологих плеч, показывается он. У него круглый, точеный, умный череп, туго обтянутый короткой шерстью – от воды она прилегла совсем как кожа и поблескивает тускло. Он стоит твердо, как изваяние, опершись плавниками о камень, и неподвижно смотрит на девочку своими изумительными, мистическими глазами. Большие, черные, лишенные бровей и ресниц, они смотрят, как широко открытые черные окна, с простотой и величавой откровенностью тысячелетней неразгаданной тайны. И кажется, глядя в эти бездонные глаза, будто остановились все часы в городе и замерли их суетливые стрелки; будто нет времени, и, увлекаемый неведомой силою, погружаешься в самые первоисточники бытия, теряешь имя, память, образ человека...

И прямо, напротив, глаза в глаза, смотрит на него, царя и чудовище, другой царь: маленький, надменный, очаровательный детеныш человека. Что за странная встреча, здесь, в этом городе? Что думаете вы оба, глядя так просто, так понятно друг на друга?

Слышу нежный, влюбленный лепет:

– Милый! Милый!

Молчание.

– Милый!

Молчание.

– Я очень люблю тебя!

И я отошел от них на цыпочках, не решаясь оглянуться, как глупый шпион, застигнутый у чьих-то священных дверей. Помню, я долго блуждал по аллеям, взволнованный, смущенный, радостный, и так бережно нес себя, будто боялся расплескать что-то драгоценное. Правда, вскоре новые, тягостные впечатления сгладили это чувство и вновь бросили меня к скорби, печали и даже отчаянию, но с тех пор до сего дня мои беспокойные мысли возвращаются непрестанно к этим двум, встретившимся так странно. И разве все то, что я видел потом в городе, не было непрерывным возвращением все к этой же великой тайне?» [17].

Андреев изображает коммуникацию девочки и тюленя как любовное свидание Мысли / Красоты / Совершенства и Тайны, первоисточника Бытия. Эта ситуация типична для топоса зверинца в литературе Серебряного века, в котором животное вообще предстает как «живой символ» («Сад, Сад, где взгляд зверя больше значит, чем гряда прочтенных книг» [17, с. 186]), Он недоступен для познания человека, но антропоморфизирован, значим именно в рамках человеческой культуры и системы ценностей. Рассказчик позже услышит крик того же самого животного, «проклятие зверя».

В русской прозе первой трети XX в. коммуникация посетителя зверинца и животного в клетке – довольно распространенное событие не только в поэзии и прозе для детей («Зверь молчит» И. Бабея, «Дэзи» Н. Никитина, «Zoo, или письма не о любви» В. Шкловского). В сборнике И. Бунина «Божье древо» (1931) была напечатана миниатюра, название которой совпало с заголовком рассказа Куприна. Бунинский текст в несколько раз короче и напрочь лишен сентиментальности, сюжетная ситуация почти не развернута во времени: все события происходят в течение одного дня, в то время как у Куприна она растянута на несколько дней и даже недель, если иметь в виду начало болезни девочки, у Бунина нет хеппи-энда, девочка и слон остаются анонимны. Хотя жизнь девочки в кругу семьи

в бунинской миниатюре почти не изображена, система ее персонажей довольна сложна (девочка, мама, слон, дама, мальчик).

В миниатюре Бунина общение со слоном в зверинце высвечивает «природу» в зооморфной («лисенок») девочке, слон обнаруживает не только более сложную зооморфность («свиные глазки»), но и способность понимать настроение человека: «Худенькая, живоглазая девочка, **похожая на лисенка**, необыкновенно милая от голубой ленточки, бантом которой схвачены на темени ее белобрысые волосики, во все глаза смотрит в зверинце на покату ю шершавую громаду слона, тупо и величаво обращенную к ней большой, широколобой головой, лопухами облезлых ушей, голо торчащими клыками и толстой, горбатой трубой низко висящего хобота с черно-резиновой воронкой на конце. Тонким голоском:

– Мама, отчего у него ноги распухли?

Мама смеется. Но смеется и сам слон. Склоняя широколобую голову, смотрит и он на девочку, и в его **свиных глазках** явно блещет что-то хитрое и веселое. Он от удовольствия весь раскачивается, начинает волновать хобот – и вдруг, в трогательной беспомощности, в невозможности иначе выразить свои чувства и мысли, крутым изгибом взвивает его кверху, показывая его исподнюю влажно-телесную мякоть, рога обнаженных клыков и нелепо-маленький рот между ними, с мучительным наслаждением катит из своих страшных недр глухой гром, рокот, потом мощно и радостно-глупо трубит, сотрясая весь зверинец» [18, с. 181]. Девочка и слон эмпатически совпадают друг с другом в смехе. В литературном контексте смысла этого эпизода и жанр басни, в котором часто взаимодействуют человек и животное, и парадигма натурализма, требующая уподобления персонажей животным, и «толстовство», не чуждое Бунину, и его собственная любовь к изображению всего «звериного», природного в человеке.

Этот эпизод нужен автору как антитеза следующему за ним, в котором во время обеда, в обществе уже дамы и мальчика, девочка в их присутствии начинает вести себя крайне неестественно: «А за обедом прибавили цветную капусту и были гости, – полнеющая, но еще моложавая и красивая дама с черноглазым мальчиком, очень молчаливым и внимательным.

И **мама рассказала о слоне** и о том, как спросила девочка о его ногах. И девочка поняла, что она сказала смешно и что ею восхищаются, и стала изгибаться, вертеть головкой, неожиданно и не в меру звонко захохотала.

– Прелестный ребенок! – задумчиво сказала дама, **без стеснения** глядя на нее.

И она заболтала ногами и **капризно** повторила:

– Нет, мама, правда: отчего у него ноги распухли?

Но мама улыбнулась **уже нарочно** и заговорила с дамой о чем-то другом, совсем неинтересном. И тогда, **искоса поглядывая на мальчика**, девочка ерзула со стула, подбежала к буфету и, **чтобы опять обратить на себя внимание**, стала пить воду прямо из горлышка графина, задыхаясь, булькая и обливая себе подбородок. А когда совсем облилась и захлебнулось, бросила и заплакала» [18, с. 181–182].

Каждый из двух актантов интересующей нас сюжетной ситуации – девочка, и слон – восполняет свою «недостачу»: слон очеловечивается, эмпатически совпадая с настроением девочки и ее животной природой; в рассказе Куприна он даже социализируется и ведет себя как «друг» девочки. Можно предположить даже, что происходит и сюжетное событие, имея в виду осуществленную коммуникацию, произошедшее взаимопроникновение двух разных миров: мира людей и мира животных. Девочка с точки зрения архетипической символики олицетворяет собой природу и душевную чистоту человека, которые открыты навстречу «прирученной», кроткой природе слона. Но это тяготение друг к другу двух противоположностей – маленького и большого, женского и мужского.

Рассказ Куприна больше похож на «святочный» тем, что появление слона, ввод его в дом и общение с ним играют сюжетную роль, сопоставимую с мотивом чуда в святочном рассказе. Но у Куприна это еще и сказочное «исполнение тайных желаний, фантазий принцессы», которое исцеляет скучающую девочку из богатой и влиятельной семьи. Круг персонажей намного шире, чем у Куприна, включая в себя, помимо родителей и слона, доктора и хозяина зверинца. Последний – своего рода «двойник» слона, а его дочь – двойник героини: «Немец густо смеется. Он сам такой большой, толстый и добродушный, как слон, и Наде кажется, что они оба похожи друг на друга. Может быть, они родня?» [15, с. 404]; «У меня, знаете, есть тоже одна дочка, такая же маленькая, как и вы. Ее зовут Лиза. Томми с ней большой, очень большой приятель» [15, с. 405].

Степень «очеловеченности» животного выше, чем у Бунина. Слон не просто содержится в клетке зверинца, но выступает с номерами в зверинце-цирке («ученые звери»), демонстрирует некоторые вполне человеческие навыки, привык общаться с людьми: «Особенно отличается самый большой слон. Он становится сначала на задние лапы, садится, становится на голову, ногами вверх, ходит по деревянным бутылкам, ходит по катящейся бочке, переворачивает хоботом страницы большой картонной книги и, наконец, садится за стол и, повязавшись салфеткой, обедает, совсем как благовоспитанный мальчик» [15, с. 402].

Как «воспитанное животное» слон обращается и с девочкой, на правах нового приятеля обедая с ней, рассматривая ее книги: «Она и ему протягивает руку. Слон осторожно берет и пожимает ее тоненькие пальчики своим подвижным сильным пальцем и делает это гораздо нежнее, чем доктор Михаил Петрович. При этом слон качает головой, а его маленькие глаза совсем сузились, точно смеются.

– Ведь он все понимает? – спрашивает девочка немца.

– О, решительно все, барышня!

– Но только он не говорит?

– Да, вот только не говорит. У меня, знаете, есть тоже одна дочка, такая же маленькая, как и вы. Ее зовут Лиза. Томми с ней большой, очень большой приятель» [15, с. 404]; «Напротив его садится девочка. Между ними ставят стол. Слону подвязывают скатерть вокруг шеи, и новые друзья начинают обедать. Девочка ест суп из курицы и котлетку, а слон – разные овощи и салат. Девочке дают крошечную рюмку хересу, а слону – теплой воды со стаканом рома, и он с удовольствием вытягивает этот напиток хоботом из миски. Затем они получают сладкое – девочка чашку какао, а слон половину торта, на этот раз орехового. Томми согласен. Он смеется, берет Матрешку за шею и тащит к себе в рот. Но это только шутка. Слегка пожевав куклу, он опять кладет ее девочке на колени, правда немного мокрую и помятую.

Потом Надя показывает ему большую книгу с картинками и объясняет: – Это лошадь, это канарейка, это ружье... Вот клетка с птичкой, вот ведро, зеркало, печка, лопата, ворона... А это вот, посмотрите, это слон! Правда, совсем не похоже? Разве же слоны бывают такие маленькие, Томми?

Томми находит, что таких маленьких слонов никогда не бывает на свете. Вообще ему эта картинка не нравится. Он захватывает пальцем край страницы и переворачивает ее» [15, с. 406].

Автор и героиня соотносят живого, настоящего слона (в символическом плане он действительно возвращает девочку к жизни, исцеляет ее) с его симулякрами – слонем на картинке в книжке, слонем-игрушкой. Девочке нужен контакт с живым, настоящим животным: «Мама... а можно мне... слона? Только не того, который нарисован на картинке... Можно?» [15, с. 403]; «Она идет в кабинет и говорит папе, что девочка хочет слона. Папа тотчас же надевает пальто и шляпу и куда-то уезжает. Через полчаса он возвращается с дорогой, красивой игрушкой. Это

большой серый слон, который сам качает головою и машет хвостом; на слоне красное седло, а на седле золотая палатка и в ней сидят трое маленьких человечков. Но девочка глядит на игрушку так же равнодушно, как на потолок и на стены, и говорит вяло:

– Нет. Это совсем не то. Я хотела настоящего, живого слона, а этот мертвый.

– Ты погляди только, Надя, – говорит папа. – Мы его сейчас заведем, и он будет совсем, совсем как живой.

Слона заводят ключиком, и он, покачивая головой и помахивая хвостом, начинает переступать ногами и медленно идет по столу. Девочке это совсем не интересно и даже скучно, но, чтобы не огорчить отца, она шепчет кротко:

– Я тебя очень, очень благодарю, милый папа. Я думаю, ни у кого нет такой интересной игрушки... Только... помнишь... ведь ты давно обещал свозить меня в зверинец посмотреть на настоящего слона... и ни разу не повез...» [15, с. 404].

Сюжетная ситуация ввода животного в городскую квартиру является, как это часто бывает, и творческой метаситуацией самого писателя Куприна. Известно, что когда он писал рассказ о лошади («Изумруд»), он все время проводил в конюшне и даже однажды, к ужасу своей жены, привел лошадь в спальню на несколько дней, чтобы следить за тем, как она спит, и узнать, видит ли она сны. «Изумруд» был написан и опубликован в том же 1907 г., но уже во вполне «взрослом» альманахе «Шиповника». Реализм, предполагающий «живой» контакт автора и читателя с предметом изображения / воображения, здесь доведен до почти неправдоподобной, но реалистически тем не менее мотивированной ситуации: для слона убирают двери, его заманивают на второй этаж, ему постилают сено и т. д.

Каждый из двух актантов интересующей нас сюжетной ситуации – девочка и слон – восполняет свою сюжетную «недостачу»: и без того привыкший к людям слон из зверинца еще более очеловечивается, эмпатически совпадая с настроением девочки и ее животной природой; в рассказе Куприна он даже социализируется и ведет себя как «друг» девочки. Можно предположить даже, что происходит и сюжетное событие, имея в виду осуществленную коммуникацию, произошедшее взаимопроникновение двух разных миров: мира людей и мира животных. Девочка с точки зрения архетипической символики олицетворяет собой природу и душевную чистоту человека, которые открыты навстречу «прирученной», кроткой природе слона. Но это тяготение друг к другу двух противоположностей – маленького и большого, женского и мужского.

Список литературы

1. Библия. М., 1983.
2. Белова О. В. Славянский бестиарий. М., 2001.
3. Куприн А. И. Слоновья прогулка // Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1964. Т. 5. С. 328–334.
4. Маяковский В. Собр. соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2.
5. Маяковский В. Собр. соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
6. Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. URL: http://www.teremok.in/Pisateli/Rus_Pisateli/dragunski/slon_radio.htm (дата обращения 10.01.2014).
7. Житков Б. Что я видел. URL: http://az.lib.ru/z/zhitkow_b_s/text_0390.shtml (дата обращения 10.01.2014).
8. Зоценко М. Собр. соч.: В 3 т. М., 1989. Т. 3.
9. Чуковский К. Чудо-дерево. М., 1975.

10. Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т. 10: Повести и рассказы. 1872–1886.
11. Хлебников В. Зверинец // Творения. М., 1986. С. 185–186.
12. Бурлюк Н. Зверинец в провинции // Бурлюк Д., Бурлюк Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. С. 473–474.
13. Катаев В. Время, вперед! М., 1960.
14. Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб.: Академический проект, 1995. Кн. 2.
15. Куприн А. И. Слон // Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1964. Т. 4. С. 398–409.
16. Токмакова И. Сонный слон. URL: <http://allforchildren.ru/>(дата обращения 10.01.2014).
17. Андреев Л. Проклятие зверя. URL: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0420.shtml (дата обращения 10.01.2014).
18. Бунин И. А. Слон // Бунин И. А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 4. С. 181–183.

V. V. Maroshi

Novosibirsk, Russian Federation

**PLOT SITUATION OF «A GIRL AND AN ELEPHANT»
IN RUSSIAN PROSE OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

The article considers the plot situation, which is linked with the artistic spaces of zoo and apartment. This is a specific variant of the archetypal situation «meekest animal and child» and the specific situation of the beginning of XX century «communication of the child and animal in the zoo», which in Russian literature of the first third of the XX century can be presented in other variations – children and elephant, the boy and the elephant, a girl and a seal. Its main protagonists become the girl and the elephant, and a content – a communication of a girl with an elephant. The richness of interaction supported by the contrast of the image respectively as a very small and great, male and female. Description of the elephant is also built on the contrast between the small and large, gentle and strong. A system of characters is typical for family characters (mom, dad, girl) and «family» shape of elephant. The event is that the girl comes with parents in a menagerie, or elephant leads to a sick girl to the house the owner of the menagerie. Coming into contact with a girl, elephant always, like all animals in the zoo, anthropomorphized, is represented by a narrator or perceived girl like animal with human properties. Girl can become relevant zomorphic features. After the events of communication with the elephant sick girl is recovering or, on the contrary, in the home begins to behave in an unnatural manner, losing its natural charm. Elephant as a character is associated in the poetic text, and at the level of narrative sequence motifs inspired by a dream that article explains the rhyme «sleep – elephant» («son – slon» in Russian) and the special relationship of the elephant with an imaginary and an unconscious.

Keywords: elephant, girl, family, plot situation, menagerie, the anthromorphization.

Maroshi Valerij V. – Associate Professor, Doctor of Philology, Professor, Chair of Russian literature and theory of literature of Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyujskaja Str., Novosibirsk, 630124, Russian Federation; maroshi@mail.ru; +7 913 064 02 93)